

Совершенно очевидно, что в следующем клейме представлено второе чудо, о котором упоминается в редакции 1486 г.: исцеление слепой женщины, принесшей икону в церковь ко гробу Алексея: «... и принесе в церковь святого и поставлене ей бывши».⁵ Однако из приведенного текста не следует, что икона была принесена в церковь, построенную в 1483 г. архиепископом Геннадием. «Церковью святого» могла называться и церковь Чуда Архангела Михаила, заложенная самим Алексеем в 1365 г. Не лишено вероятия, что здесь речь идет о Благовещенском приделе этой церкви, в котором впоследствии стоял гроб Алексея. В летописи иногда иногда придел назывался церковью. Так, в Московском летописном своде под 1479 г. в рассказе о перенесении мощей в новый Успенский собор сказано: «Фегноста же митрополита мощи поставиша въ церкви святого апостола Петра (имеется в виду придел Петра, — И. Д.) наверх мосту и окладаша кирпичем об едину стену с чудотворцем Петром ... Потом же князь Юрья Даниловича мощи в древяне гробе принесоша и положиша в церкви святого Дмитрея (придел св. Дмитрия, — И. Д.) в застенке».⁶ Аналогичные записи часто встречаются в летописи.⁷

Это положение в значительной степени подтверждается анализом самих изображений. Церковь Чуда Архангела Михаила во всех клеймах представлена одинаково, причем каждый раз художник старательно изображает справа пристроенный к церкви придел Благовещенья в виде одноглавой ротонды с шлемовидным покрытием. Такая же ротонда представлена и в чуде со слепой. Нет ничего невероятного в том, что здесь перед нами изображенный отдельно Благовещенский придел, названный в житии «церковью святого».

Поскольку чудо о слепой в редакции жития 1459 г. не фигурирует, можно утверждать, что оно было внесено в текст между 1459 и 1486 г. Значит, икона Алексея была написана после 1460 г., однако никаких оснований для более точной датировки это обстоятельство не дает.⁸

Путаница в надписях приводит В. Борина к сбивчивой датировке иконы Алексея последним пятнадцатилетием XV в., в то время как икону Петра автор считает написанной до 1472 г. (год перенесения мощей Петра в новый Успенский собор).⁹ В то же время автор утверждает, что обе иконы очень близки по стилю и несомненно написаны одним мастером одновременно.¹⁰

А. Некрасов в своей книге «Древнерусское изобразительное искусство»¹¹ относит обе иконы к 1481 г., никак, впрочем, не аргументируя свою датировку. В. Лазарев в главе о Дионисии в III томе «Истории русского искусства»¹² присоединяется к более ранней датировке икон, предложенной автором данной статьи в 1951 г.¹³ Считая убедительными приведенные мною доводы, которые будут изложены ниже, В. Лазарев считает,

⁵ В. Борин. Две иконы, стр. 30.

⁶ ПСРЛ, т. XXV, М.—Л., 1949, стр. 325.

⁷ См., например: ПСРЛ, т. III, СПб., 1842, стр. 155.

⁸ Ошибочная расшифровка клейм, данная В. Бориним, повторяется в «Каталоге древнерусской живописи Государственной Третьяковской галереи», т. I (М., 1963, стр. 338).

⁹ См.: В. Борин. Две иконы, стр. 30.

¹⁰ Там же.

¹¹ А. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937, стр. 262.

¹² В. Лазарев. Дионисий и его школа. — В кн.: История русского искусства, т. III, М., 1955.

¹³ См.: И. Данилова. Дионисий и его творчество. К вопросу об искусстве Москвы периода образования Русского государства. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведческих наук, М., 1951, стр. 6.